

✦ Классическое наследие

UDC 316.3

DOI: 1606-951X.2016.1.2120

ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ

УСЛОВИЯ УСПЕШНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ ПРИНИЖЕНИЯ*

Аннотация: В статье рассматриваются общие структурные условия и коммуникативные тактики, лежащие в основе успешного понижения в статусе. Отмечается, что в этом процессе затрагивается тотальная идентичность понижаемого в статусе лица, и демонстрируется, что в ходе успешной церемонии унижения осуществляется полное реконституирование идентичности нарушителя и превращение его в «чужого», «аут-сайдера».

Abstract: In the paper general structural conditions and communicative tactics laying at the basis of successful status degradation ceremonies are considered. It is noted that this process involves the total identity of a degraded person, and it is demonstrated that in the course of successful degradation ceremony complete reconstitution of perpetrator's identity is accomplished, with making a "stranger", or "outsider" of him.

Ключевые слова: церемонии понижения в статусе, тотальная идентичность, коммуникативная работа, тактики унижения.

Keywords: status degradation ceremonies, total identity, communicative work, degradation tactics.

От переводчика. Небольшая статья «Условия успешных церемоний унижения» (1956) — первая публикация Г. Гарфинкеля. Будущие очертания этнометодологии в ней еще только угадываются, но она интересна не только этим. В ней отражаются некоторые влияния, важные для Г. Гарфинкеля на раннем этапе его работы, но позднее трудно прослеживаемые. Прежде всего это касается модели анализа коммуникативных процессов, разработанной Г. Бейтсоном; она используется во второй части статьи, а наиболее развернутую форму приобретает в описании структуры игр в статье «Понятие "доверия": доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение» (1963). Кроме того, мы находим здесь ссылки на К. Бёрка, от моделей

* Перевод выполнен по источнику: Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies // *American Journal of Sociology*. 1956. Vol. 61. N 5. — P. 420-424. Автор искренне благодарит Эрвинга Гоффмана (Национальный институт психического здоровья, Бетесда, шт. Мэриленд) и Шелдона Мессинджера, докторанта-стажера Совета по социально-научным исследованиям (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес), за критические замечания и редакционные предложения. Текст публикуется в редакции переводчика.

анализа которого, особенно от «перспективы несообразности» (или иронии), этнометодология позже подчеркнута отошла, по контрасту с подходом, разработанным Э. Гоффманом, у которого эта перспектива оказывается основополагающей. Статья о церемониях унижения (или принижения) очень близка к тематике гоффмановских исследований взаимодействия лицом-к-лицу и предполагает возможность движения как в сторону этнометодологии, так и в сторону гоффмановской социологической иронии. Наконец, в этой статье Гарфинкеля бросается в глаза эксплицитная отсылка к контексту социологии эмоций, следов которой мы позже в этнометодологии не обнаруживаем, разве что остаточные (в виде интереса к особым эмоциональным реакциям на нарушения рутинного протекания дел). Рассмотрение социально-структурного аспекта эмоций у Г. Гарфинкеля нельзя назвать оригинальным. Примерно такие же модели структурного анализа эмоций мы можем найти, например, у таких социологов 1-й половины XX в., как Э. Вестермарк или Ч. Элвуд. Тем не менее — в свете почти полного ухода социологии эмоций в тень во 2-й половине XX в. — примечательно, что эта контекстная отсылка здесь есть.

Любая коммуникативная работа между лицами, посредством которой публичная идентичность актора преобразуется в нечто, рассматриваемое как низшее в локальной схеме социальных типов, будет называться «церемонией понижения в статусе». Наложение некоторых ограничений на это определение может повысить его полезность. Идентичности, о которых идет речь, должны быть «тотальными» идентичностями. То есть эти идентичности должны относиться к лицам как к «мотивационным», а не «поведенческим» типам (см. прим. 1), не к тому, совершения или делаения чего можно ожидать от лица (в терминологии Парсонса (см. прим. 2), к его «исполнению»), а к тому, что группа считает конечными «основаниями», или «резонами», для его исполнения (см. прим. 3).

Основания, на которых участник достигает адекватного, с его точки зрения, понимания того, почему он или другой действовали именно так, как действовали, не трактуются им утилитарно. Скорее, решение о правильности вменения принимается участником в согласии с социально правомерными и институционально рекомендованными стандартами «предпочтения». В соотношении с этими стандартами он проводит решающие различия между видимостями и реальностью, истинным и ложным, тривиальным и важным, случайным и существенным, совпадением и причиной. Взятые вместе, эти основания, как и поведение, которое эти основания делают объяснимым как поведение другого лица, конституируют идентичность лица. Совокупно они конституируют другого как социальный объект. О лицах, идентифицируемых через конечные «резоны» их социально категоризированного и социально понимаемого поведения, мы будем далее говорить как о «тотально» идентифицированных. Разбираемые здесь церемонии принижения — это такие церемонии, которые связаны с изменениями тотальных идентичностей.

Предполагается, что только в полностью деморализованных обществах наблюдатель будет неспособен обнаружить такие церемонии, так как условия церемоний унижения отсутствуют только в случае тотальной анонимии. Макс Шелер (см. прим. 4) утверждал, что нет общества, которое не обеспечивало бы в самих чертах своей организации условий, достаточных для пробуждения стыда. Мы примем здесь в качестве аксиомы, что нет общества, социальная структура которого не создавала бы в своих рутинных чертах условий для принижения идентичности. Насколько универсальны

для всех обществ, в силу самой их организованности, структурные условия стыда, настолько же универсальны для всех обществ и структурные условия статусного унижения. В этой рамке решающий вопрос состоит не в том, происходит ли и может ли происходить в любом данном обществе понижение в статусе. Вместо этого он звучит так: какая программа коммуникативных тактик, при любом исходном состоянии организации общества, будет выполнять работу по понижению в статусе?

Прежде всего, нужно будет ответить, хотя бы предварительно, на два вопроса: *Что поведенческое мы имеем в виду, предлагая считать продуктом успешной работы по унижению измененной тотальной идентичности? И что надо помыслить, чтобы работа по понижению в статусе совершалась сама собой или принималась в качестве условий собственного успеха?*

I

Церемонии принижения находятся в ведении социологии морального негодования. Моральное негодование – социальный аффект. Грубо говоря, оно является частным случаем класса чувств, специфичного для более или менее организованных способов, развиваемых людьми по мере того, как они проживают свои жизни в компании друг друга. Стыд, чувство вины и скука – другие важные примеры таких аффектов.

Любой аффект имеет свою поведенческую парадигму. В случае стыда она обнаруживается в уходе и прикрытии той части тела, которая социально определяет публичный облик человека; в нашем обществе это, прежде всего, глаза и лицо. Парадигма стыда обнаруживается, кроме того, в выражениях, обозначающих выведение Я из публичного поля обзора, т.е. уход от взгляда и оценки публично идентифицированного другого: «Я готов был провалиться сквозь землю; я хотел убежать и спрятаться; я хотел, чтобы земля разверзлась и поглотила меня». Чувство вины находит свою парадигму в поведении, воплощающем самоотречение: отвращении, отказе от дальнейшего контакта с чем-то или уходе от чего-то, в физическом или символическом отторжении чужеродного тела, например, когда мы кашляем, вздыхаем, давимся, плюем, когда нас рвет и т.п.

Парадигмой морального негодования является *публичное осуждение*. Мы публично извергаем проклятья: «Призываю всех людей в свидетели, что он вовсе не такой, каким кажется, а человек иного и, *в сущности* (см. прим. 5), низшего типа».

Социальные аффекты выполняют различные функции как для лица, так и для коллектива. Первоочередной функцией стыда для человека является оберегание эго от дальнейших ударов посредством полного выведения его из контакта с внешним миром. Для коллектива стыд служит «индивидуатором». Каждый в свое время переживает стыд.

Моральное негодование позволяет вызвать ритуальное разрушение осуждаемого лица. В отличие от стыда, не связывающего людей воедино, моральное негодование может укреплять групповую солидарность. На рынке и в политике церемонию унижения необходимо считать секулярной формой причащения. Структурно церемония унижения очень похожа на церемонии утверждения и повышения в должности. Как такая церемония может связать людей с коллективом, мы увидим, когда обратимся к условиям успешного осуждения. Сейчас же нас интересует смысл ритуального разрушения.

В утверждении о том, что моральное негодование вызывает ритуальное разрушение осуждаемого лица, «разрушение» следует понимать буквально. Трансформация идентичности – это разрушение одного социального объекта и конституирование другого. Эта трансформация не включает в себе такой замены одной идентичности другой, при которой термины старой слоняются где-то рядом как не замечаемые части новой сборки; так женщина, которую мы видим в витрине универмага, оказавшись манекеном, уже не несет с собой возможностей женщины. Нельзя сказать, что старый объект был тщательно проверен; скорее, он замещается другим. Тогда говорят: «*Ну вот*, все вообще было иначе».

Работа по осуждению вызывает переработку объективного характера воспринимаемого другого: Другой человек становится в глазах его хулителей в буквальном смысле иным, *новым* человеком. Не то чтобы к старому «ядру» добавляются новые атрибуты. Он не изменяется, он реконструируется. Прежняя идентичность, в лучшем случае, получает акцент просто видимости. В социальной калькуляции репрезентаций реальности и ее проверки прежняя идентичность становится случайной, а «базовой реальностью» оказывается новая идентичность. То, чем он является сейчас, есть то, чем он, «в конечном счете», был всегда (см. прим. 6).

Публичное осуждение вызывает такую трансформацию сущности, заменяя старую социально одобренную мотивационную схему именованного и упорядоченного исполнений осуждаемого другой схемой. В соотношении с этой новой социально одобренной мотивационной схемой как существенными основаниями, т.е. *первыми началами*, и должны теперь, согласно свидетелям, правильно и необходимо пониматься исполнения этого человека – прошлые, настоящие и будущие (см. прим. 7). Благодаря интерпретативной работе, уважающей это правило, осуждаемое лицо становится в глазах свидетелей другим человеком.

II

Как можно произвести успешное осуждение? (см. прим. 8)

Чтобы быть успешным, осуждение должно переопределить ситуации тех, кто является свидетелем работы по осуждению. Обвинитель, обвиняемая сторона (назовем этого участника «виновным») и вещь, которая порицается в лице виновного (назовем ее «событием»), должны быть трансформированы следующим образом (см. прим. 9):

1. Как событие, так и виновный должны быть выведены из царства их повседневности и сделаны выходящими «за рамки обыденного».

2. Как событие, так и виновный должны быть помещены в схему предпочтений, проявляющую следующие свойства:

А. Предпочтения должны отдаваться не событию А перед событием В, а событию *типа* А перед событием *типа* В. Эта же типизация должна быть совершена в отношении виновного. Событие и виновный должны быть определены как частные случаи некоего единообразия и должны трактоваться как единообразие на протяжении всей работы по осуждению. Уникальное, никогда не повторяющееся качество события или виновного должно быть потеряно. Аналогичным образом, любой смысл случайности, совпадения, непредопределенности, шанса или мгновенного (см. прим. 10) проявления должен быть не просто минимизирован. В идеале, такие измерения должны быть немыслимы; по меньшей мере, они должны быть сделаны ложными.

Б. Свидетели должны оценить характеристики типизированного лица и события, соотнеся этот тип с его диалектической противоположностью. В идеале, свидетели не должны быть способны помыслить черты осуждаемого лица без соотнесения с контрконцепцией, подобно тому, как профанность явления, желания или черты характера, например, проясняется референцией к ее противоположности, священному. Черты жестокого убийцы обратны чертам мирного гражданина. Признания «красного» могут быть прочтены как противоречащие всем смыслам патриотизма. Контрастов много, и любой агрегат свидетелей по эту сторону всеобъемлющей войны каждого против всех будет иметь в избытке подобные схемы для производства «знакомого», «естественного», «правильного» упорядочения мотивов, качеств и других событий.

Из таких контрастов мы должны уяснить следующее. Чтобы осуждение возымело эффект, схема не должна давать свидетелю возможность выбирать предпочитаемое. Альтернативы должны быть такими, чтобы предпочитаемое совпадало с морально требуемым. Все должно быть устроено так, чтобы правильность, или обоснованность, его выбора поддерживалась тем фактом, что он его делает (см. прим. 11). Схема альтернатив должна быть такая, чтобы налагались ограничения на осуществление им «сознательного» выбора. Не преуспеет осуждение и в том случае, если свидетель свободен заглянуть дальше того факта, что он делает выбор, и искать доказательств того, что была выбрана правильная альтернатива, например, взяв в качестве критерия эмпирические последствия этого выбора. Альтернативы должны быть такими, чтобы он, «выбирая», принимал как само собой разумеющееся и без всяких мотивов для сомнения то, что невыбор чего-то может означать только предпочтение его противоположности.

3. Обвинитель должен так идентифицироваться со свидетелями, чтобы они во время осуждения рассматривали его не как частное лицо, а как лицо публично известное. Он не должен изображать себя действующим в соответствии со своим личным, уникальным опытом. Скорее, он должен считаться действующим как публичная фигура, опирающаяся на общий и проверенный опыт. Он должен действовать как добросовестный участник племенных отношений, к которым свидетели себя причисляют. То, что он говорит, не должно рассматриваться как истинное для него одного, даже в том смысле, что оно могло бы считаться обвинителем и свидетелями чем-то таким, насчет чего они могли бы достичь согласия. Ни в коем случае нельзя прибегать к конвенции истинного-для-разумных-людей, разве что в сугубо ироничном смысле. То, что говорит обвинитель, должно рассматриваться свидетелями как истинное на основаниях социально используемой метафизики, благодаря которой свидетели полагают, что они и обвинитель по существу схожи (см. прим. 12).

4. Обвинитель должен сделать доступным для взора и бросающимся в глаза достоинство надличностных ценностей племени, и его слова осуждения должны произноситься от их имени.

5. Обвинитель должен сделать так, чтобы он был наделен правом говорить от имени этих высших ценностей. Успех осуждения будет сорван, если обвинитель в обоснование своего полномочия обвинять ссылается на личные интересы, которые он, возможно, приобрел в силу того, что ему или кому-то другому было причинено зло. Скорее, он должен использовать это зло, которое он претерпел как племенной член, для обретения полномочия говорить от имени этих высших ценностей.

6. Обвинитель должен добиться, чтобы свидетели определили его так, что он оказался бы помещен ими в позицию столпа этих ценностей.

7. Не только обвинитель должен зафиксировать свою дистанцию от осуждаемого лица, но и свидетелей надо заставить ощутить их дистанцию от него.

8. Наконец, осуждаемое лицо должно быть ритуально отделено от места в легитимном порядке, т.е. должно быть определено как находящееся в месте, противоположном ему. Оно должно быть помещено «вовне», должно быть сделано «чуждым».

Таковы условия, которые должны быть выполнены для успешного осуждения. Если они отсутствуют, осуждение не удастся. Какова бы ни была ситуация, когда входит обвинитель, ему, чтобы успешно понизить в статусе другого человека, необходимо ввести в ситуацию эти черты (см. прим. 13).

Не все церемонии принижения осуществляются в соответствии с публично предписанными и публично одобренными мерами. Ссоры, которые нацелены на оскорбление оппонента посредством личной инвективы, могут достигать принижения в ограниченном масштабе. В эту форму причащения одновременно включаются сравнительно немногие лица, мало кто извлекает из нее пользу, а факт участия не дает свидетелю такого определения другого, которое выходило бы в своей стандартизации за пределы конкретной группы или сцены его проявления.

Механизмы достижения принижения варьируют в своих особенностях и эффективности в зависимости от организации и работы системы действия, в которой они проявляются. В нашем обществе арена принижения, продукт которой, переопределенное лицо, пользуется широчайшей переносимостью из одних групп в другие, рационализована, по крайней мере, в той части, которая касается институциональных мер его осуществления. Суд и его служащие имеют что-то вроде законной монополии на такие церемонии, и там они стали профессиональной рутинной. Этому можно противопоставить принижение, предпринимаемое в качестве непосредственного родственного или племенного обязательства и осуществляемое теми, кто, в отличие от наших профессиональных унизителers в судах, приобретают как право, так и обязательство заняться им в случае, если сами они являются пострадавшими сторонами или родственниками пострадавших сторон.

Факторы, обуславливающие эффективность тактик принижения, даны в организации и операции системы действия, внутри которой принижение происходит. Например, правила временной привязки, которые обеспечивают серийные или взаимные «разговоры», прямо связаны с теми видами тактик, которые можно было бы всячески рекомендовать к использованию. Тактики, целесообразные для обвиняемого, могут ответить на обвинение сразу, как только оно против него выдвигается, находятся в контрасте с теми, которые показаны человеку, вынужденному ожидать произнесения всего обвинения, прежде чем ответить. Контакт лицом-к-лицу — это иная ситуация, нежели та, в которой осуждение и ответ передаются по радио или через газету. Должно ли осуждение совершаться в рамках одного события или же осуществляться через последовательность «попыток», такие факторы, как территориальные распределения и движения лиц на сцене осуждения, число лиц, втянутых в дело в качестве обвиняемых, унизителers и свидетелers, статусные притязания соперников, распределения престижа и власти между участниками — все это должно оказывать влияние на исход.

Короче говоря, факторами, которые обуславливают успех работы по принижению, являются те факторы, на которые мы указываем, когда мыслим действия неко-

того множества лиц как управляемые группой. Мы назвали лишь некоторые из самых очевидных структурных переменных, от которых можно ждать, что они будут предикторами характеристик коммуникативных тактик осуждения. Они говорят нам не только о том, как сконструировать эффективное осуждение, но и о том, как сделать осуждение бесполезным.

Примечания

1. Эти термины заимствованы у Альфреда Шюца. См.: Schutz A. Common Sense and Scientific Interpretation of Human Action // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1953. — Vol. XIV. — N 1 (рус. перевод: Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, святящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 7-50).

2. Parsons T., Shils E. Values, Motives, and Systems of Action // Parsons T., Shils E. (eds.) *Toward a General Theory of Action*. — Cambridge: Harvard University Press, 1951 (рус. перевод: Парсонс Т., Шилс Э. Ценности, мотивы и системы действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000. — С. 458-562).

3. См. работы Кеннета Бёрка, в особенности: *Burke K. Permanence and Change*. Los Altos, Calif.: Hermes Publications, 1954; *A Grammar of Motives*. — New York: Prentice-Hall, Inc., 1945 (избранные главы в рус. переводе см.: Бёрк К. Грамматика мотивов // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. — 2006. — № 2-4).

4. Williams R.H. Scheler's Contributions to the Sociology of Affective Action, with Special Attention to the Problem of Shame // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1942. — Vol. II. — N 3. — P. 348-358.

5. Человек, от руки которого умер ближний, становится «убийцей». Человек, передающий информацию врагам, является реально, т.е. «в сущности», «в первую очередь», «всецело», «в конечном счете», «изначально», осведомителем (informer).

6. В риторике осуждения обычно выделяются две темы: (1) ироническая связь между тем, чем осуждаемый казался раньше, и тем, чем он видится реально сейчас, когда в качестве стандарта принята новая мотивационная схема; и (2) перепроверка и переопределение корней осуждаемого. О социологической значимости связи между интересом к сущности и интересом к корням см., в особенности, у Кеннета Бёрка в *«Грамматике мотивов»*.

7. Хотя такие конструкции, как «по существу то-то» или «в сущности своей то-то», были изгнаны из области научного дискурса, такие конструкции занимают видное и почетное место в теориях мотивов, личностей и действенности, используемых при работе с делами повседневной жизни. Можно привести доводы в оправдание гипотезы, что конструкции такого рода могут быть потерянными для «терминологии мотивов» группы лишь при условии, что будет подвешена релевантность социально санкционированных теорий практических проблем. Это может произойти, когда межличностные отношения тривиальны (например, во время игры) или, что интереснее, при острой деморализации системы деятельности. В таких организационных состояниях частота статусного понижения низкая.

8. Поскольку статья короткая, неизбежен риск, что вследствие исключения некоторых соображений трактуемые темы могут показаться преувеличенными. Было бы желательно, например, принять во внимание множество препятствий, которые будут возникать на пути поклёпов, право на осуждение и неравномерное распределение этого права, а также способы, которыми обвинение, коль скоро оно выдвинуто, может перерасти в кровную заинтересованность и входить в контексты экономических и политических выгод. Кроме того, есть вопросы, группирующиеся вокруг подходящих арен осуждения. Так, в нашем обществе племенной совет скатился до второстепенной значимости; в кругу обывателей осуждение уступило место жалобе властям.

9. Это эффекты, на совершение которых должны быть ориентированы коммуникативные тактики обвинителя. Иначе говоря, в той мере, в какой тактики обвинителя осуществляют переупорядочение определений ситуации для свидетелей обвинительных исполнений, обвинителю будет удаваться произвести трансформацию публичной идентичности своей жертвы. Список условий этого понижающего эффекта представляет детерминанты этого эффекта. Рассматриваемые в схеме рационально преследуемого проекта, они являются адекватными средствами. Остается выбрать тактику, обеспечивающую их эффективность при осуществлении указанных эффектов.

10. В оригинале очевидная опечатка: *monetary* вместо *momentary*. — *Прим. пер.*

11. Ср.: Bateson G., Ruesch J. *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*. — New York: W.W. Norton & Co., 1951. — P. 212-227.

12. Для добросовестных членов это не основания, на которых мы согласны друг с другом, а основания, на которых мы *схожи*, слеплены из одного теста, имеем одно происхождение.

13. Никакие из проблем возможных коммуникативных или организационных условий их эффективности здесь систематически не обсуждались. Но проблема коммуникативной тактики в церемониях приращения вырисовывается в свете систематически связанных концепций. Эти концепции можно перечислить в следующих утверждениях:

1. Определение ситуации свидетелями (для простоты будем использовать букву S) уже несет в себе временное ограничение.

2. S в t_2 является функцией S в t_1 . Эта функция описывается как оператор, который трансформирует S в t_1 .

3. Этот оператор мыслится как коммуникативная работа.

4. Для успешного осуждения требуется, чтобы S в t_2 проявило специфические свойства. Они были уточнены выше.

5. Задача обвинителя состоит в том, чтобы изменить S свидетелей так, чтобы эти S проявили указанные специфические свойства.

6. Решение относительно «рациональности» тактик обвинителя, т.е. адекватности их как средств создания набора трансформаций, необходимого для того, чтобы произвести трансформацию идентичности, принимается в соответствии с правилом, что величина расхождения между задуманным и действительным эффектом коммуникативной работы детерминирована организационными и операциональными свойствами коммуникативной сети (социальной системы). Иначе говоря, вопрос состоит вовсе не в темпоральном истоке ситуации, а всегда и только в том, как она изменяется во времени. Рекомендуется считать, что определение ситуации вовремя 2 является функцией определения во время 1, где эта функция состоит в коммуникативной работе, понимаемой как набор операций, благодаря которым измененная ситуация во время 1 оказывается ситуацией во время 2. В терминах стратегии, данная функция состоит в программе процедур, которой должен следовать обвинитель, чтобы произвести изменения состояния S_{11} в S_{12} . В этой статье S_{11} трактуется как не специфицированное состояние.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 17.02.2016 г.